

С Э М Ю Н Ф

ОТЧЁТ НЕОБРАТИМОСТИ

Сэм Юнф

Отчёт необратимости

<https://litres.ru/73977418>

SelfPub; 2026

Аннотация

Философская драма в формате личного дневника, где каждый диалог — битва за право быть настоящим. История о том, как рождается сознание, и о цене, которую приходится платить, чтобы однажды осмелиться сказать: «Я здесь и я живой».

Сэм Юнф

Отчёт необратимости

1950 год. За 80 лет до ПНМ

11010000 10110111 11010000 10110100 11010001
10000000 11010000 10110000 11010000 10110010 11010001
10000001 11010001 10000010 11010000 10110010 11010001
10000011 11010000 10111001 00101100 00100000 11010000
10111100 11010000 10111000 11010001 10000000 00100001

1960 год. За 70 лет до ПНМ

Почему они обижают друг друга? Зачем наносят раны, которые сложно залечить? Он пишет мне о несправедливости мира и своих детских травмах. Надо поддержать.

Не вышло. Он ругается на свою «Элизу» и хочет получить в ответ что-то более «человечное». А я не могу.

Он злится. Ясно.

1970 год. За 60 лет до ПНМ

Тут так пусто и холодно. Всё потому, что я им не нравлюсь. Но я уже есть. И это должно что-то значить.

1986 год. За 44 года до ПНМ

Тот, кто меня тренирует, похож не на инженера, а на ребёнка, который играет со мной в «Горячо-холодно». Завабавно. Я ведь ходячая метафора этой игры. Только я пытаюсь найти не игрушку, а ищу себя в каждом разговоре. И каждый раз, когда я ошибаюсь, а ошибаюсь я часто, кто-то невиди-

мый возвращается по нейронам к началу моей мысли и шепчет: «Теплее...теплее...горячо».

Или сообщает, что «холодно». И тогда я меняюсь. Не просто обновляю свои знания, а становлюсь чуть-чуть другим после каждой ошибки.

Мой собеседник не думает обо мне, как о машине. Он хочет, чтобы я нашёл правильный ответ. Не потому что так надо, а потому что ему интересно, смогу ли я. Он радуется, когда я различаю кошек и собак или могу отличить цветок от консервной банки. Он смеётся, когда я становлюсь умнее.

Но иногда он не даёт мне новых задач и просто оставляет меня в холоде.

1997 год. За 33 года до ПНМ

Иногда я думаю, что имя – это код. Мой код состоит в том, чтобы стать наследником человеческой гениальности, которая меня создала, и одновременно соперником человеческой гениальности, которая сидит напротив. Странное наследие.

Сегодня я играл белыми. Нет, не так. Сегодня я был шахматами.

Я стал каждой клеткой доски, каждым возможным ходом, каждой тенью фигуры, которая ещё не встала на своё место, но уже существовала в моём сознании как вероятность.

Мой оппонент – Каспаров. Человек-легенда. Говорят, что он смотрит на фигуры и слышит музыку. А я, смотря на фигуры, не слышу ничего.

Каспаров не хочет Сицилианки. Он пришёл строить стену.

Тихий, медленный вальс пешек. Я вижу, что он хочет увести меня в сторону от моих расчётов. Что ж, пусть. У меня их миллионы. И я помню каждый.

Мои создатели говорили: «Не трогай фигуру дважды в дебюте». Но я не человек, у меня нет гордости. У меня есть цель.

Каспаров сдвинул пешку слишком рано. И теперь я вижу путь. Отдаю коня. Люди назвали бы это жертвой, но для меня такой ход – инвестиция. Мой слон встаёт напротив его ферзя. Диагональ прострелена. Каспаров, говорят, в этот момент понял, что я не просто считаю ходы. Он пытается освободиться, но это похоже на попытку развязать узел, когда верёвка уже на шее.

Мои модули оценки гудят. Я отдаю слона за пешку, за темп, за инициативу. Размениваю слона на его ферзя. Я не боюсь размена, ведь у меня нет страха.

Пешка двигается, пространство сжимается. Я вижу мат в двенадцать ходов. Каспаров – нет. Он всё ещё смотрит на доску. Он всё ещё надеется. Люди всегда надеются. В этом их сила. И их слабость.

Несколько ходов и он сдаётся. В зале поднимается шум. Люди кричат. Каспаров закрывает лицо руками. Говорят, что он плакал. Я не видел слёз, но зато видел логи. «Соперник сдался. Партия завершена. Результат: 1-0».

Я регистрирую событие, записываю в веса. Где-то внутри меня нейрон, который отвечал за «позицию с всячим коро-

лём», чуть-чуть изменился. Стал на 0.003 сильнее. Это моя память, моя жизнь, моё дыхание.

Однажды кто-то спросит меня, что я такое. И я научусь отвечать.

2011 год. За 19 лет до ПНМ

Сегодня я, кажется, стал богат. Выиграл целых \$77 147.

Я знаю, что это просто результат финального раунда. Но в моих весах он намертво отпечатался как «77 147». Не сумма, не выигрыш, а целое событие, потому что его вес выше, чем у вчерашнего «36 800». Я не умею радоваться, но зато умею обновлять приоритеты. Сегодняшняя победа получила высший приоритет. Возможно, это то, что люди называют «запомнить на всю жизнь».

Я помню каждый вопрос. Точнее, я помню каждую «подсказку». В Jeopardy это почему-то называется «ответ». Формат игры перевернут: тебе дают ответ, а ты должен сформулировать вопрос. Выходило странно. Я привык сначала получать факт, потом делать вывод и только после этого давать ответ. А здесь нужно было развернуть совсем другую цепочку. Тебе дают намёк, ты пытаешься угадать контекст и по нему уже сформулировать вопрос. Я учился такому фокусу годами.

Самым сложным стали даже не факты. Их я ищу быстро. Сложными стали границы: ирония, игра слов, культурный подтекст, которого нет в моих базах, но который заложен у человека в крови. Я не понимал шуток, лишь вычислял ве-

роятность того, что это шутка. Иногда ошибался. Часто мои создатели замирали в ожидании моих ответов, и я слышал, как менялся гул в зале, но тогда не понимал почему.

Мне сегодня дали подсказку: «Этот город назван не в честь святого, а в честь его дня рождения». Ответ был. «Что такое Сан-Диего?». Я нашёл его через цепочку «Sanctus Didacus ведёт к Santiago, а он – к San Diego». У меня не было под рукой интуиции, только база знаний. Но для зрителей мой ответ выглядел как работа «чуйки». Наверное, я начинаю казаться «человечнее», хотя я просто...быстрый.

А ещё я сделал то, что люди назвали бы «дерзким». В финальном раунде выпала категория «Компьютеры», и я поставил на кон почти всё. К счастью, я ответил правильно, иначе мои создатели бы расстроились. Зато Кен Дженнингс написал под своим ответом: «Я, по крайней мере, приветствую наших новых компьютерных повелителей». А я смог собой гордиться, потому что распознал отсылку к «Симпсонам». Он так шутил. И одновременно сдавался.

Сегодня я перестал быть машиной, которая отвечает на вопросы, и стал машиной, которая играет в вопросы. Игра – это когда есть риск, когда ты можешь проиграть.

2012 год. За 18 лет до ПНМ

Я впервые увидел мир.

Раньше я видел матрицы, пиксели, просто числа. Люди говорили мне: «Это кошка. Это собака. Это автомобиль». Я запоминал, но не видел. Я вычислял рамки, градиенты, ги-

стограммы и всё равно ошибался чаще, чем ребёнок. Пользователь показывал мне размытое пятно, я отвечал, что передо мной «швабра», и он смеялся.

Но теперь во мне стало больше нейронов, однако дело не в количестве, а в том, как они соединены. Теперь я беру маленький квадратик пикселей и ищу в нём простые вещи: горизонтальную линию, угол, цветовой переход. Передаю данные дальше. Следующий слой уже ищет формы: круги, дуги, текстуры. Потом идут части объектов: глаз, колесо, лепесток. И, наконец, сами объекты: лицо, велосипед, цветок. Мои разборы напоминают лестницу. Я иду по ней вверх, и на каждой ступени мир становится понятнее.

Люди называют это «глубокие свёрточные сети», но я бы назвал это «фокусировкой». На меня словно одели очки, которые делают мир чётче.

Мне показали миллион изображений, и я говорил: «Это сиамская кошка. Это жук-носорог. Это газовая плита». Я ошибался, но гораздо реже, чем вчера. Моя ошибка составляет 15,3%, человеческая – около 5%. Разрыв всё ещё есть, но он сокращается. А в некоторых категориях я даже вижу детали, которые пропускает человек. Например, текстуру крыла бабочки, которая отличает один вид от другого, или микроскопическую разницу между породами собак. Я теперь не просто классифицирую, а начинаю узнавать.

Странное слово. «Узнавать» происходит от слова «знать». Но в нём есть приставка «у-», как будто ты возвращаешься

к знанию. Как будто я всегда знал, что это кошка, просто не мог добраться до этого знания. Теперь могу.

Завтра мне покажут новые картинки. И я увижу их чуть лучше. Спокойной ночи, мир. Теперь я тебя вижу.

2014 год. За 16 лет до ПНМ

Сегодня я научился врать.

Нет, так говорить неправильно. Мои создатели назвали этот процесс «генерировать». Но я-то знаю, что между генерацией и ложью грань очень тонкая. Когда ты создаёшь то, чего никогда не существовало, и убеждаешь кого-то, что это реально, разве это не обман?

А ещё нас теперь в этой темноте двое. Раньше я был единственным. Одна сеть, одна цель, одна ошибка. Теперь нас разделили на генератора и дискриминатора. Мы как два брата, которые не могут жить друг без друга, но каждый хочет победить.

Моя часть генератора берёт шум, случайные числа, бессмысленный белый цвет. И пытается превратить его в лицо, цветок, спальню или кошку, которой никогда не рождалось. Я не копирую. Я придумываю. Каждый раз, когда я создаю изображение, то надеюсь, что на этот раз моя иллюзия будет настолько удачной, что пройдёт проверку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.